

Проверив многочисленные краны и вентили стоящего под парами паровоза, машинист Николай Васильевич Белоусов заключил: «Ну вот, осталось загрузиться угольком и...» — он махнул рукой в сторону Волковского рудника.

Однако ехать на паровозе не пришлось. «Висилич, — окликнул машиниста дежур-

лович, отведи душу возле машины. Соскучился, видать, давно не ездил».

Тот с радостью занял место машиниста и, окинув быстрым взглядом приборы и сигнальные лампы, стал внимательно вглядываться в сужающиеся вдаль параллели рельсов. Незаметно за окнами исчезли кварталы города: локомотив нырнул в глубокую

вопрос, касающиеся совместной работы строителей и железнодорожников, машинист-инструктор не спеша направился к тепловозу.

— Ну как? — спросил он, подходя к товарищам.

— Готово, Анатолий Палыч, можно ехать.

Вглядываясь в пробегающий мимо лес, Панчайкин вдруг неожиданно произнес:

ший на все лады говорил только об одном: почему нам мало платят, надо материально заинтересовать и в этом деле, и в другом. О том, что надо улучшить работу, повысить дисциплину, он и не заикнулся.

Панчайкин не думал выступать на этом собрании — не был готов, да и устал после поездки на Волковский. Но нотки иждивенчества, прозвучавшие в предпоследнем выступлении, задели его за живое. Он решительно прошел к трибуне.

— Повысить заработок? Заинтересовать материально? Мало говоришь? — отрывистые вопросы падали в зал. — Знаю, кто в первую очередь говорит об этом. Тот, кто работать не хочет. Если так рассуждать, то скоро до того дойдем, что за то, чтобы дверь закрыть, будем требовать материальный стимул. Даже «спасибо» будем на деньги разменивать?! А откуда им взяться, стимулам, если плохо работать будем? Выходит так: мне подавай побольше, а от меня — не жди?

Железнодорожники слушали его резкие, но справедливые слова. Каждый знал: Панчайкин имеет право так говорить, он не разменивает дела на свои и чужие, работу на деньги.

— А где совесть рабочая, товарищи, — продолжал он, — обращаясь ко всем присутствующим. — Или мы, рабочие, все только рублем стали мерить? Не верю!

Собрание закончилось бур-

■ Человек
и
его дело

ОДИН ДЕНЬ

МАШИНИСТА ПАНЧАЙКИНА

ный по депо, — принимай тепловоз, на нем поедете. Да захватите платформы с домиками, Панчайкин с диспетчерами уже переговорил».

Через несколько минут у красавца — тепловоза вырос хвост из платформ. В кабину локомотива поднялись машинисты Горьков и Белоусов.

— Поехали, — сказал Михаил Иванович Горьков.

Дрогнул состав, нехотя застучали колеса на стыках.

— Молодец, — продолжал Горьков, видимо ранее начатый разговор. — Это надо же, как быстро договорился об отправке груза.

Подъезжая к столовой железнодорожников, тепловоз издал протяжный гудок. На звук из дверей здания выбежал мужчина в куртке нарас-

ложбину, а когда выбрался из нее, кругом стоял только заснеженный лес, искрящиеся сугробы, тронутые кое-где узорами заячьих следов. Так, в зимнем безмолвии, лишь изредка нарушаемом негромким разговором машинистов, состав двигался к Волковскому руднику.

Наконец, впереди смутно замаячили силуэты башенных кранов, скелеты будущих производственных корпусов. Состав заметно снизил скорость, а вскоре вообще замер, словно примерз к стылым рельсам. Панчайкин быстро спустился с тепловоза и, крикнув машинистам: «Перецепляйте платформы», исчез. Буквально через считанные минуты он вновь появился в кабине.

«Надо бы выкроить время, пока у сына каникулы, да сводить его в лес, на охоту. Следы показать... давно уж просится».

Как-то необычно прозвучала эта фраза — «выкроить время». Для своего отдыха? Но тут я вспомнил слова Горькова: «Иногда даже в ущерб своему времени, но делает».

Тем временем разговор в кабине локомотива зашел об общем собрании, которое должно было начаться через два часа.

— Ты как, будешь присутствовать? — спросил машиниста-инструктора П. В. Белоусов.

— Надо бы. Неудобно не прийти — сам людей предупреждал. Не знаю только, —

звук из дверей здания выше жал мужчина в куртке парашку и побежал к медленно движущемуся составу.

— Эх, вот заводной, — Горьков даже не пытался скрыть своего восхищения, — за все берется, все делает.

Повернувшись, он пояснил: «В пехе за это его и уважают. Что ни попроси, все делает. Иногда даже в ущерб своему времени, но делает. Как его за это не уважать. Вот мы, он кивнул на Белоусова, сегодня не должны были работать — выходной у нас. Но вчера вечером подошел Панчайкин и попросил на Волковский съездить. Надо, мол, паровоз строителям отправить, зачем он зря уголь переводит. А как ему откажешь? Ведь сам он никогда и никому не отказывает. Вот мы и согласились».

Тем временем в кабину машинистов поднялся сам Панчайкин. Внешне он выглядел гораздо моложе Горькова и Белоусова, но чувствовалось, что, несмотря на разницу в возрасте, машинисты его уважают. Горьков освободил место возле пульта управления тепловозом, сказал, обращаясь к машинисту-инструктору: «Садись, Анатолий Пав-

минуты он вновь появился в кабине.

— Подальше надо протолкнуть состав, там у строителей разгрузочная площадка, крановщик ждет.

И вновь медленно, словно наощупь, продвигается тепловоз вперед. Вот и кран.

— Вы пока разгружайте, — говорит товарищам А. П. Панчайкин, а я сбегаю к строителям.

Канторка строителей оказалась далеко от железнодорожных путей. За столом сидел прораб строительного управления и вопросительно смотрел на машиниста-инструктора.

— Я по поводу паровоза, — начал Анатолий Павлович. — Нужен он вам, нет?

— Нужен, еще как нужен, — прораб начал излагать свои беды.

Впрочем, к Панчайкину все они отношения не имели, но он внимательно выслушал строителя. А когда разговор коснулся проблемы заправки паровоза водой, Анатолий Павлович предложил свой вариант, который оказался проще и экономичнее того, что выбрали строители.

Когда были обсуждены все

проблемы — сам людей предупредил. Не знаю только, — вздохнул Панчайкин, — успею ли. Надо домой сбежать, переодеться.

— А мы тебя высадим на переезде, а там близко до твоего дома. Опоздаешь немного, так не беда. Все знают, что ты на Волковский ездил.

На том они и порешили.

Анатолий Павлович опоздал минут на десять. Собрание уже шло, когда он осторожно, стараясь не мешать людям, вошел в двери красного уголка. Сразу же с нескольких мест ему зашептали: «Панчайкин, иди к нам, садись». Он смущенно пристроился на самом ближнем от дверей месте.

Разговор шел о проекте Центрального Комитета КПСС к XXVI съезду. Говоря о развитии страны, железнодорожники неизбежно касались своих вопросов. Выступавшие говорили кратко, по существу: надо совершенствовать производство, искать пути повышения производительности. По всему чувствовалось — проект ЦК КПСС не оставил равнодушным никого.

Но вот раздался голос с последнего ряда. Выступав-

мерить? Не верю!

Собрание закончилось бурно. Выступление машиниста-инструктора всколыхнуло душу каждого железнодорожника, оставило след у каждого.

Расставаясь, я спросил у Анатолия Павловича: «В чем же заключаются обязанности машиниста - инструктора?»

— С людьми я должен работать. С локомотивными бригадами, — пояснил он спокойно, оступив от своего недавнего выступления, — да все как-то не получается. Все время какие-то дела отнимают: то одно, то — другое.

Слушая его, я думал совершенно иначе, чем Панчайкин. Нет, все у него получается как надо. Ничего не дают беседы с людьми, не подтверждаемые ежедневным личным примером. И наоборот. Личная заинтересованность в каждом деле, равнодушное отношение к делам и заботам коллектива воспитывают лучшие всяких громких, многократно повторяемых слов. А раз так, то свою работу машинист - инструктор А. П. Панчайкин выполняет на совесть.

Г. ЛУКИН.